

Соловьев Владимир Сергеевич

**Собрание сочинений
Владимира Сергеевича
Соловьева**

Том 5

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
В57

В57 **Владимир Сергеевич С.**
Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева: Том 5 / Соловьев
Владимир Сергеевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 488 с.

ISBN 978-5-519-74690-8

ISBN 978-5-519-74690-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Національный вопросъ въ Россіи.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

1883—1888.

Предисловіе

ко второму изданію.

Національный вопросъ для многихъ народовъ есть вопросъ объ ихъ существованіи. Въ Россіи такого вопроса быть не можетъ. Тысячелѣтнею историческою работою создалась Россія, какъ единая, независимая и великая держава. Это есть дѣло сдѣланное, никакому вопросу не подлежащее. Но чѣмъ прочнѣе существуетъ Россія, тѣмъ настоятельнѣе является вопросъ: для чего и во имя чего она существуетъ? Дѣло идетъ не о матеріальномъ фактѣ, а объ идеальной цѣли. Національный вопросъ въ Россіи есть вопросъ не о существованіи, а о *достойномъ существованіи*.

Человѣкъ существуетъ достойно, когда подчиняетъ свою жизнь и свои дѣла нравственному закону и направляетъ ихъ къ безусловнымъ нравственнымъ цѣлямъ. Ложный и вредный предразсудокъ, отдѣляющій политику отъ нравственности, мѣшаетъ прилагать къ жизни народовъ высшія требованія личной жизни. Но постигши нравственный законъ одинъ для всѣхъ и во всемъ. Область вопросовъ политическихъ есть лишь новая, болѣе широкая и сложная сфера для примѣненія тѣхъ самыхъ идеальныхъ началъ, которыми должна управляться личная дѣятельность cadaго. Здравая политика есть лишь искусство наилучшимъ образомъ осуществлять нравственные цѣли въ дѣлахъ народныхъ и международныхъ. Поэтому руководящимъ мотивомъ политики должны быть не корысть и не самолюбіе національное, а долгъ и обязанность. Развитію этой основной мысли посвящена первая глава настоящей книги («Нравственность и политика. Историческія обязанности Россіи»).

Съ точки зрѣнія національнаго эгоизма, донынѣ господствующаго въ политикѣ, каждый народъ есть особое, довлѣющее себѣ цѣлое, и свой интересъ есть для него высшій законъ. Нравственный долгъ требуетъ отъ народа прежде всего, чтобы онъ отрекся отъ этого національнаго эгоизма, преодолѣлъ свою природную ограниченность, вышелъ изъ своего обособленія. Народъ долженъ признать себѣ тѣмъ, чѣмъ онъ есть поистинѣ, то есть лишь частью вселенскаго цѣлаго; онъ долженъ признать свою солидарность со всѣми другими живыми частями этого цѣлаго, — солидарность въ высшихъ всечеловѣческихъ интересахъ, — и служить не себѣ, а этимъ интересамъ въ мѣру своихъ національныхъ силъ и сообразно своимъ національнымъ качествамъ. Такое нравственное самоотреченіе народа ни въ какомъ случаѣ не можетъ совершиться вдругъ и заразъ. Въ жизни націи, какъ и отдѣльнаго лица, мы находимъ постепенное углубленіе нравственнаго сознанія. Такъ прошедшее русскаго народа представляетъ два главныхъ акта національнаго самоотреченія — призваніе варяговъ и реформа Петра Великаго. Оба великія событія, относясь къ сферѣ матеріальнаго государственнаго порядка и внѣшней культуры, имѣли лишь подготовительное значеніе, и намъ еще предстоитъ рѣшительный, исполнѣ сознательный и свободный актъ національнаго самоотреченія (вторая глава: «О народности и народныхъ дѣлахъ Россіи»).

Этому исполненію нашего нравственнаго долга препятствуютъ лишь неразумный псевдо-патріотизмъ, который подъ предлогомъ любви къ народу желаетъ удержать его на пути національнаго эгоизма, т. е. желаетъ ему зла и гибели. Истинная любовь къ народу желаетъ ему дѣйствительнаго блага, которое достигается только исполненіемъ нравственнаго закона, путемъ самоотреченія. Такая истинная любовь къ народу, такой настоящій патріотизмъ тѣмъ болѣе для насъ, русскихъ, обязателенъ, что высшій идеалъ самого русскаго народа (идеалъ «святой Руси») исполнѣ согласенъ съ нравственными требованіями и исключаетъ всякое національное самолюбіе и самомнѣніе (третья глава: «Любовь къ народу и русскій народный идеалъ»).

Освобожденіе отъ національной исключительности облегчается для Россіи и тѣмъ обстоятельствомъ, что на пути народнаго эгоизма, отдѣляющаго ее отъ западной культуры, Россія не можетъ достигнуть ближайшей естественной цѣли своей политики — объединенія сла-

вянскихъ народовъ, собранія славянскаго міра. Большая половина нашихъ единоплеменниковъ (поляки, хорваты, чехи и моравы) по духовнымъ началамъ своей народной жизни примыкаютъ къ западному міру, и при отрицательномъ отношеніи къ Западу мы не можемъ стать для нихъ настоящимъ центромъ единенія (четвертая глава: «Славянскій вопросъ»).

Такимъ образомъ и высшія нравственныя соображенія, и идеалъ русскаго народа, и ближайшія нужды нашей политики побуждаютъ насъ отказаться отъ народнаго обособленія и эгоизма, совершить актъ національнаго самоотреченія. Разумѣется, такой актъ возможенъ только при полной духовной свободѣ Россіи, при свободѣ въ ней мѣтлѣ и мысли. Настоятельная потребность наша, существенное практическое условіе для исполненія нашего высшаго національнаго призванія есть *духовное освобожденіе Россіи* — дѣло, несравненно болѣе важное, нежели то гражданское освобожденіе крестьянъ, которое было величайшимъ подвигомъ прошлаго царствованія. Россія достигла нынѣ національнаго совершеннѣйшаго, и пора снять опеку съ ея вѣры и мысли (пятая глава: «Что требуется отъ русской партіи?»).

Россія обладаетъ, быть можетъ, великими и самобытными духовными *силами*, но для проявленія ихъ ей во всякомъ случаѣ нужно принять и дѣятельно усвоить тѣ общечеловѣческія *формы* жизни и знанія, которыя выработаны Западною Европой. Наша внѣвропейская или противо-европейская предиаѣрсная и искусственная самобытность всегда была и есть лишь пустая претензія; отречься отъ этой претензіи есть для насъ первое и необходимое условіе всякаго успѣха (шестая глава: «Россія и Европа»).

Въ исторической жизни человѣчества народность являлась доселѣ по преимуществу какъ сила дифференцирующая и раздѣляющая (такъ дѣйствовала она, напримѣръ, во всѣхъ церковныхъ раздѣленіяхъ). Между тѣмъ, такое раздѣляющее и обособляющее дѣйствіе народности противорѣчитъ всеединящимъ нравственнымъ началамъ христіанства, а также истинному назначенію самихъ христіанскихъ народовъ, которыя призваны къ всестороннему осуществленію богочеловѣческаго единства, а не къ раздѣленію человѣчества. И если христіанскій народъ можетъ поддаться духу національнаго эгоизма и въ процессъ обособленія перейти божественные предѣлы, то тотъ же народъ можетъ самъ начать обратный процессъ *интеграціи* или исцѣленія раз-

дѣленнаго человѣчества. И по своему историческому положенію, и по національному характеру и міросозерцанію Россія должна бы сдѣлать починъ въ этой новой *положительной* реформаціи. Исполнить ли она свою нравственную обязанность — мы предсказать не можемъ. Мы не признаемъ предопредѣленія ни въ личной, ни въ народной жизни. Судьба людей и націй, пока они живы, въ ихъ доброй волѣ. Одно только мы *знаемъ навѣрное*: если Россія не исполнитъ своего нравственного долга, если она не отречется отъ національнаго эгоизма, если она не откажется отъ права силы и не повѣритъ въ силу права, если она не возжелаетъ искренно и крѣпко духовной свободы и истины — она никогда не можетъ имѣть прочнаго успѣха ни въ какихъ дѣлахъ своихъ, ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ.

«Призываю нынѣ въ свидѣтели небо и землю: жизнь и смерть положишь нынѣ предъ лицомъ вашимъ — благословеніе и проклятіе. Избери жизнь, да живешь ты и сѣмя твое» (Второз. XXX, 19).

Москва.

17 апрѣля 1888.

I.

Нравственность и политика. — Историческія обязанности Россіи.

1883.

Полное раздѣленіе между нравственностью и политикой составляетъ одно изъ господствующихъ заблужденій и золь нашего вѣка. Съ точки зрѣнія христіанскѣй и въ предѣлахъ христіанскаго міра эти двѣ области — нравственная и политическая — хотя и не могутъ *совпасть* другъ съ другомъ, однако должны быть тѣснѣйшимъ образомъ между собою связаны.

Какъ нравственность христіанская имѣетъ въ виду осуществленіе царства Божія внутри отдѣльнаго человѣка, такъ христіанская политика должна готовить пришествіе царства Божія для всего человечества какъ цѣлаго, состоящаго изъ большихъ частей — народовъ, племенъ и государствъ.

Прошедшая и настоящая политика дѣйствующихъ въ исторіи народовъ имѣетъ очень мало общаго съ такою цѣлью, а большею частью и прямо ей противорѣчитъ — это фактъ безспорный. Въ политикѣ христіанскихъ народовъ доселѣ царствуютъ безбожная вражда и раздоръ, о царствѣ Божіемъ здѣсь нѣтъ и помину. Для многихъ этого достаточно: такъ оно есть, значить, такъ тому и быть. Нельзя, однако, выдержать до конца такого преклоненія передъ фактомъ, ибо тогда пришлось бы преклоняться передъ чумою и холерою, которыя также суть факты. Все достоинство человѣка въ томъ, что онъ сознательно борется съ дурною дѣйствительностью ради лучшей цѣли. Господство болѣзни есть фактъ, но цѣль есть здоровье; и отъ этого дурного факта къ лучшей цѣли есть переходъ и средство, называе-

мое медициною. И въ общей жизни человѣчества царство зла и раздора есть фактъ, но цѣль есть царство Божіе, и къ этой-то цѣли посредствующій переходъ отъ дурной дѣйствительности называется христіанскою политикою ¹.

Согласно общераспространенному мнѣнію, каждый народъ долженъ имѣть свою собственную политику, цѣль которой соблюдать исключительные *интересы* этого отдѣльнаго народа или государства. Въ послѣднее время все громче и громче раздаются у насъ патріотическіе голоса, требующіе, чтобы мы не отставали *въ этомъ* отъ другихъ народовъ и также руководились бы въ политикѣ исключительно *своими* національными и государственными интересами, и всякое отступленіе отъ такой «политики интереса» объявляется или глупостью, или измѣною. Быть можетъ, въ такомъ взглядѣ есть недоразумѣніе, происходящее отъ неопредѣленности слова «интересъ»: все дѣло въ томъ, о *какихъ* именно интересахъ идетъ рѣчь. Если полагать интересъ народа, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, въ его богатствѣ и вѣнѣнѣ могуществѣ, то при всей важности этихъ интересовъ несомнѣнно для насъ, что они *не должны* составлять высшую и окончательную цѣль политики, ибо иначе ими можно будетъ оправдывать всякія злодѣянія, какъ мы это и видимъ. Наши патріоты смѣло указывали на политическія злодѣянія Англіи, какъ на примѣръ, достойный подражанія. Примѣръ въ самомъ дѣлѣ удачный: никто и на словахъ, и на дѣлѣ не заботится такъ много, какъ англичане, о своихъ національныхъ и государственныхъ интересахъ. Всѣмъ извѣстно, какъ, ради этихъ интересовъ, богатые и властительные англичане морятъ голодомъ ирландцевъ, давятъ индусовъ, насильно отравляютъ опиумомъ китайцевъ, грабятъ Египетъ ². Несомнѣнно, всѣ эти дѣла внушены заботой о національныхъ интересахъ. Глупости и измѣны

¹ Такимъ образомъ эта политика вовсе не есть *утопія* въ порочительномъ смыслѣ этого слова, то есть такая, которая не хочетъ знать о дурной дѣйствительности и осуществляетъ свой идеалъ въ пустомъ пространствѣ; христіанская политика, напротивъ, исходитъ изъ дѣйствительности и прежде всего хочетъ *помочь противъ дѣйствительнаго зла*.

² Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать, что въ Англіи находятся и такіе вліятельные вожди партій (какъ напр. Гладстонъ),¹ которые совершенно иначе понимаютъ національные интересы своего отечества, и что тамъ можно открыто требовать освобожденія Ирландіи, не привлекая на себя обвиненія въ національной и государственной измѣнѣ.

тутъ нѣтъ, но безчеловѣчія и безстыдства много. Если бы возможенъ былъ *только такой* патріотизмъ, то и тогда не слѣдовало бы намъ подражать англійской политикѣ: *лучше отказаться отъ патріотизма, чѣмъ отъ совѣсти*. Но такой альтернативы нѣтъ. Смѣемъ думать, что истинный патріотизмъ согласенъ съ христіанскою совѣстью, что есть другая политика, кромѣ политики интереса, или, лучше сказать, что существуютъ иные интересы у христіанскаго народа, не требующіе и даже совсѣмъ не допускающіе *любопытства*.

Что это международное любопытство есть нѣчто не похвальное, это чувствуется даже тѣми, которые имъ наиболѣе пользуются. Политика матеріальнаго интереса рѣдко выставляется въ своемъ чистомъ видѣ. Даже англичане, самодовольно высасывая кровь изъ «*нижнихъ расъ*» и считая себя въ правѣ это дѣлать просто потому, что это выгодно имъ, англичанамъ, нерѣдко однако увѣряютъ, что приносятъ этимъ великое благодѣяніе самимъ нижнимъ расамъ, приобщая ихъ къ высшей цивилизаціи, что и справедливо до нѣкоторой степени. Здѣсь, такимъ образомъ, грубое стремленіе къ своей *выгодѣ* превращается въ возвышенную мысль о своемъ культурномъ *призваніи*. Этотъ идеальный мотивъ, еще весьма слабый у практическихъ англичанъ, во всей силѣ обнаруживается у «*народа мыслителей*». Германскій идеализмъ и склонность къ высшимъ обобщеніямъ дѣлаютъ невозможнымъ для нѣмцевъ грубое эмпирическое любопытство англійской политики. Если нѣмцы поглотили вендовъ, пруссовъ, и собираются поглотить поляковъ, то не потому, что это имъ выгодно, а потому, что это ихъ «*призваніе*» какъ высшей расы: германизируя низшія народности, возводитъ ихъ къ истинной культурѣ. Англійская эксплуатація есть дѣло матеріальной выгоды; германизация есть духовное призваніе. Англичанинъ является предъ своими жертвами какъ пиратъ; нѣмецъ — какъ педагогъ, воспитывающій ихъ для высшаго образованія. Философское превосходство нѣмцевъ обнаруживается даже въ ихъ политическомъ любопытствѣ: они направляютъ свое поглощающее дѣйствіе не на внѣшнее достояніе народа только, но и на его внутреннюю сущность. Эмпирикъ-англичанинъ имѣетъ дѣло съ фактами; мыслитель-нѣмецъ — съ идеей: одинъ грабитъ и давить *народы*, другой уничтожаетъ въ нихъ самую *народность*.

Высокое достоинство германской культуры неоспоримо. Но все-таки принципъ высшаго культурнаго призванія есть принципъ жестокой и неистинный. О жестокости его ясно говорятъ печальныя

тѣни народовъ, подвергнутыхъ духовному рабству и утратившихъ свои жизненные силы. А неистинность этого принципа, его внутренняя несостоятельность, явно обличается его неспособностью къ послѣдовательному примѣненію. Вслѣдствіе неопредѣленности того, что собственно есть высшая культура и въ чемъ состоитъ культурная миссія, нѣтъ ни одного историческаго народа, который не заявлялъ бы притязанія на эту миссію и не считалъ бы себя въ правѣ насиловать чужія народности во имя своего высшаго призванія. Народомъ народовъ считаютъ себя не одни нѣмцы, но также евреи, французы, англичане, греки, итальянцы и т. д., и т. д. Но притязаніе одного народа на привилегированное положеніе въ человѣчествѣ *исключаетъ* такое же притязаніе другого народа. Слѣдовательно, или всѣ эти притязанія должны остаться пустымъ хвастовствомъ, пригоднымъ только какъ прикрытіе для утѣшенія болѣе слабыхъ сосѣдей, или же должна возникнуть *борьба* не на жизнь, а на смерть между великими народами изъ-за права культурнаго насилія. Но исходъ такой борьбы никакъ не докажетъ дѣйствительно высшаго призванія побѣдителя; ибо перевѣсъ военной силы не есть свидѣтельство культурнаго превосходства: такой перевѣсъ имѣли полчища Тамерлана и Батыя, и если бы когда-нибудь въ будущемъ такой перевѣсъ выпалъ на долю китайцевъ, благодаря ихъ многочисленности, то все-таки никто не преклонится предъ культурнымъ превосходствомъ монгольской расы.

Идея культурнаго призванія можетъ быть состоятельной и плодотворной только тогда, когда это призваніе берется не какъ мнимая *привилегія*, а какъ дѣйствительная *обязанность*, не какъ господство, а какъ служеніе.

У каждаго отдѣльнаго человѣка есть матеріальные интересы и интересы самолюбія, но есть также и *обязанности* или, что то же, *нравственные* интересы, и тотъ человѣкъ, который пренебрегаетъ этими послѣдними и дѣйствуетъ только изъ-за выгоды или изъ самолюбія, заслуживаетъ всякаго осужденія. То же должно признать и относительно народовъ. Если даже смотрѣть на народъ какъ только на сумму отдѣльныхъ лицъ, то и тогда въ этой суммѣ не можетъ исчезнуть нравственный элементъ, присутствующій въ слагаемыхъ. Какъ общій интересъ цѣлаго народа составляетъ *равнодѣйствующую* всѣхъ частныхъ интересовъ (а не простое повтореніе каждаго въ отдѣльности) и имѣетъ отношеніе къ подобнымъ же коллективнымъ интересамъ другихъ народовъ, такъ же точно должно разсуждать